

ФИЛАРЕТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

~
15
~

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛАРЕТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК

15

Москва
2019

УДК 27-9(05)
ББК 86.372я5
Ф51

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом ПСТГУ

Редакционная коллегия:

канд. богословия *Г. В. Бежанидзе*, *диак. Евгений Лютко* (отв. редактор),
д-р богословия *прот. Павел Хондзинский*, д-р ист. наук *А. И. Яковлев*

Ф51 Филаретовский альманах. Вып. 15. — М.: Изд-во ПСТГУ,
2019. — 144 с.

ISBN 978-5-7429-1246-0

В очередном выпуске «Филаретовского альманаха», помимо традиционной рубрики «Филаретика» и ряда исследований по частным историческим сюжетам, так или иначе связанным с личностью, наследием и контекстом мысли святителя Филарета, мы помещаем интервью с создателем и многолетним редактором этого издания – профессором Александром Ивановичем Яковлевым.

УДК 27-9(05)
ББК 86.372я5

ISBN 978-5-7429-1246-0

© Издательство Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного
университета, 2019

Содержание

Список сокращений.....	4
------------------------	---

Филаретика

Иер. А. И. Черный <i>Преемство традиции пастырского служения в святоотеческом богословии: Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Филарет Московский</i>	7
Е. П. Белохвостиков <i>Святители Филарет Московский и Иннокентий Пензенский: история духовной дружбы</i>	21
Диак. Евгений Лютько <i>Понятие «Филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв.</i>	43
Г. В. Бежанидзе <i>Святитель Филарет Московский и идеология николаевского царствования</i>	61

Varia

А. В. Мальшев <i>Догматические особенности учений о Христе Иммануила Канта и свт. Иннокентия Херсонского</i>	79
Прот. Павел Хондзинский <i>«Святое государство» В. И. Экземплярского: в поисках истоков концепции</i>	95
В. А. Ячменик <i>Интерпретация экклесиологии А. С. Хомякова в сочинениях новомученика М. А. Новоселова</i>	109

Интервью

<i>Интервью с проф. Александром Ивановичем Яковлевым</i>	127
--	-----

Список сокращений

- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- Письма Муравьеву – Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М[уравьеву]: 1832–1867 гг. Киев, 1869.
- Письма родным – Письма митрополита Московского Филарета (в мире Василия Михайловича Дроздова) к родным от 1800-го до 1866-го года. М., 1882.
- Мнения и отзывы – Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. СПб., 1885–1888.
- Слова речи – Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: в 5 т. М., 1873–1885.
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук
- ТКДА – Труды Киевской духовной академии
- ФА – Филаретовский альманах

Лютко Евгений Игоревич, диакон

мл. науч. сотрудник Научного центра
истории богословия и богословского образования ПСТГУ
Российская Федерация, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
e.i.lutjko@gmail.com

Понятие «Филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв.

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия о «Филаретовском духовенстве» как метафоры, позволяющей максимально лаконично отразить процесс трансформации нормативного дискурса о православном духовенстве в России на рубеже XIX–XX вв. «Филаретовским духовенством» в семье известного богослова Сергея Фуделя называли московских священников, которые характеризовались «формальным», с точки зрения Фуделей, отношением к своему служению. В данной статье устанавливается связь между возникновением этого выражения, а также характерной для него репрезентации московского духовенства и изменениями в русском пастырском богословии, которые наблюдаются во второй половине XIX – начале XX в. Пастырское богословие, как дисциплина, в момент своего возникновения в середине XIX в. оттолкнулась от представления о священнике как безусловном «пастыре народа», единственным требованием к которому является безукоризненное исполнение своих пастырских обязанностей, которые могли в значительной степени различаться, в зависимости от контекста в котором находился пастырь. Тенденция к детализации пастырских обязанностей наиболее последовательно представлена в работах В. Ф. Певницкого. Однако уже в трудах прот. С. А. Соллертинского, а затем его ученика митр. Антония Храповицкого происходит операционализация понятия о «пастырстве» как о действии и одновременно внутреннем качестве священника, достижение которого невозможно посредством только лишь добросовестного исполнения своих обязанностей, но требующем качественного преобразования его личности. Понятие о «Филаретовском духовенстве», таким образом, проводит черту между теми, кто воспринял трансформацию нормативного дискурса о духовенстве (отраженную в трудах Соллертинского и митр. Антония и, в частности, связанную с новым прочтением понятия о пастырстве), и теми, кто этого по тем или иным причинам не сделал.

Ключевые слова: Фудель, пастырское богословие, «Филаретовское духовенство», митрополит Антоний (Храповицкий), история понятия «пастырство».

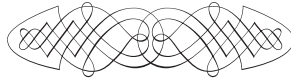
Eugene Lyutko

junior research fellow in the Research center
for the History of theology and theological education STOU
Russian Federation, 127051, Moscow, Likhov per., 6-1
e.i.lutjko@gmail.com

The notion of the “Philaret clergy” in the context of the pastoral theology in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries

Resume: The article analyses the concept of the “Philaret clergy” as a metaphor that allows us to concisely reflect the process of transformation of the normative discourse on the Orthodox clergy in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries. The family of the prominent orthodox lay-theologian Sergey Fudel called the Moscow priests, who were characterized by the “formal”, from their point of view, attitude to their ministry with the notion “Philaret clergy” (regarding the epoch of the famous 19th century Russian churchmen St Philaret (Drozdov) died in 1867). This article establishes a connection between the emergence of this expression, as well as inherited in its representation of the Moscow clergy, and the changes in Russian pastoral theology that happens in the second half of the 19th and early 20th centuries. Pastoral theology as a discipline and narrative, at the time of its emergence in the middle of the 19th century started with the idea that a priest as an indisputable “shepherd of the people”, the only requirement for which is the consistent performance of his pastoral duties, which could vary significantly, depending on the context. The tendency to detail pastoral duties develops Vasiliy Pevnitsky, kyevan lay-theologian. However, already in the writings of archpriest Sergey Sollertinsky and his student metropolitan Anthony Khrapovitsky appears an operationalization of the concept of “shepherding” as the action and at the same time the internal quality of the priest, the achievement of which is impossible through only conscientious performance of his duties, but requiring a qualitative transformation of his personality. The concept of the “Philaret clergy” thus draws a line between those who perceived the transformation of the normative discourse on the clergy (reflected in the writings of Sollertinsky and Metropolitan Anthony, with a specific attention to the concept of “shepherding”) and those who did not do this for one reason or another.

Keywords: Fudel, pastoral theology, “Philaret clergy”, Antony (Khrapovitsky), history of the term “shepherding”.

Постановка проблемы

В своих воспоминаниях об отце-священнике Сергей Иосифович Фудель (1901–1977), характеризуя приходское духовенство начала XX в., использует выражение: «филаретовское духовенство». Он пишет:

Уже с 1915, кажется, года у него (отца Иосифа Фуделя, 1865–1918. – *Е. Л.*) завелись кипарисовые четки <...>. Для «мирского» священника это было, конечно, весьма необычайно: кругом было так называемое филаретовское духовенство. Этот термин, собственно, не имеет отношения к личности самого митрополита, а характеризует только определенную категорию людей. Может быть, при Филарете они были другие, но в этот период – перед и во время Первой мировой войны – это были люди, в своем большинстве пребывающие с поразительным спокойствием в каком-то особо сытом благополучии. Есть одно трудное слово у апостола: «Страдающий плотию перестает грешить» (1Пет. 4:1). Плоть большинства батюшек не страдала. Помню, однажды за обеденным столом моя сестра стала что-то с похвалой говорить именно о филаретовском духовенстве. Отец, такой обычно терпимый и сдержанный, вдруг как-то весь сморщился и воскликнул: «Ох уж это мне филаретовское духовенство»¹.

Немного далее по тексту воспоминаний Фудель вновь возвращается к данной теме, на этот раз в контексте сравнения московского и петербургского духовенства в плане участия в общественной жизни; здесь симпатии автора были на стороне петербуржцев: «Москва продолжала быть твердыней так называемого “филаретовского духовенства”, в общем безмятежно спящего в своих приходах»².

¹ Фудель С. И. Воспоминания // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Русский путь, 2001. Т. 1. С. 21.

² Там же. С. 65.

Наконец, в книге «У стен Церкви» Фудель называет «филаретовское духовенство» Москвы «солидным и мрачным», на фоне которого отец Алексей Мечев (1859–1923), по его мнению, «был носителем того “веселия вечного”, о котором поется в пасхальную ночь»¹.

Понятие «Филаретовское духовенство» нечасто встречается в документах эпохи – воспоминания С. И. Фуделя едва ли не единственный случай упоминания этого выражения в опубликованных источниках. Однако характер контекста, в котором появляется это выражение, не оставляет сомнения, что «филаретовское духовенство» – это не просто неологизм семьи Фуделей, а выражение, имеющее хождение в определенных кругах. Во всяком случае, автор не снабжает его каким бы то ни было справочным материалом, не уточняет его происхождение, не обозначает ареал его употребления, но констатирует, что «филаретовское духовенство» – это более или менее устоявшийся элемент языковых реалий, но реалий «арго» – как раз того языкового слоя, который реже всего находит себе место в мемуарах, публицистике, всем том, что затем формирует респектабельную сферу печатного слова. И если следовать постулатам «герменевтики подозрения», именно в таких бытовых выражениях, которые оказываются в авторском тексте либо случайно, когда автор «проговаривается», либо сознательно, когда автор намеренно сдергивает перед читателем покров литературного стиля, проступают значимые и подчас не замечаемые традиционной историографией социальные трансформации.

Иными словами, с одной стороны, мы вынуждены признать тот факт, что метафора «филаретовское духовенство» не является «общим местом» в текстах эпохи, и с точки зрения традиционного источниковедения это обстоятельство может поставить под сомнения ее репрезентативность. Но, с другой стороны, как было показано выше, интерпретация этого факта в пользу недостаточной репрезентативности самой метафоры неизбежно привела бы нас к признанию семейства Фуделей «маргиналами», предлагающими взгляд на действительность, оторванный от более широкого контекста и интеллектуальных процессов предреволюционной эпохи.

¹ Фудель С. И. У стен Церкви // Собрание сочинений... Т. 1. С. 175.

Однако значение личности Сергея Фуделя для русского богословия XX–XXI вв. в нашем случае является гарантом избыточности этих опасений.

В этой статье мы ставим перед собой задачу понять, каким образом связано противопоставление «филаретовского» и не филаретовского духовенства в употреблении семьи Фуделей и трансформации в богословии священства на закате имперского периода российской истории¹. Вопрос, почему именно имя святителя Филарета оказалось вовлечено в этот неместный эпитет в отношении московского (и, шире, городского) духовенства, является уделом дальнейших исследований.

Для достижения поставленной цели мы проследим как трансформируется нормативный образ священника в течение второй половины XIX – начала XX в. в соответствии с официальными документами (для указанного периода это прежде всего учебники и курсы лекций по Пастырскому богословию).

¹ В научной литературе имеет место ряд попыток отразить эту трансформацию, однако, как правило, речь идет лишь о постановке проблемы: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 33; Константин (Зайцев), архим. Пастырское богословие: Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой духовной семинарии. Ч. 1. Jordanville: Holy Trinity monastery, 1960 (лекция вторая); Destivelle H. Les sciences théologiques en Russie: réforme et renouveau des académies ecclésiastiques au début du XXe siècle. P.: Cerf, 2010. P. 744–748; Сухова Н. Ю., Хондзинский П., прот. Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии // Богословский вестник. 2010. Т. 11. С. 291–341; Хондзинский П., прот. Приходское духовенство конца XIX – начала XX века в русской духовной традиции: Доклад на ежегодной научно-богословской конференции в Санкт-Петербургской Духовной академии 30 сентября 2015 года. URL: [#cite_note-15](http://www.pstbi.ru/news/show/132-doklad_prot_Pavel_Khondsinskiy) (дата обращения: 10.05.2019).

Исследование

Начиная со второй трети XIX в. в Российской империи наблюдаются попытки систематизировать обязанности священника в рамках заимствованного из Католического лексикона концепта Пастырского богословия¹. Первые учебники по этой дисциплине появляются в 1850-е гг.² Само понятие о Пастырском богословии было новым по отношению к тому, как требования к духовенству описывались в предыдущий период. Написанная в 1770-е гг. «Книга о должностях пресвитеров приходских»³, долгое время оставшаяся едва ли не единственным текстом, «нормативным» для приходского духовенства, перестает соответствовать реалиям времени. Этот текст и формируемый им образ священника-учителя, просвещенного оратора, еще не помещенного в рамки различия между «церковным» и «гражданским», постепенно устаревал и не подходил (да и не предназначался) для употребления в духовных семинариях. Новое поколение нормативных текстов должно было (1) находиться в системе богословских наук – в этом плане «Пастырское богословие» понятным образом вписывалось в *Architectura Theologica* свт. Филарета (Дроздова), то есть в дальнейшую традицию осмысления богословия как единой системы знания⁴;

¹ См. основная литература по истории этой дисциплины в России: Иннокентий (Пустынский), архим. Пастырское богословие в России за XIX в. СПб., 1899; Olszewski M. Pastoraltheologische Konzeptionen in der orthodoxen Kirche Russlands des 19. Jahrhunderts und ihre Zuordnung zur Asketik: eine pastoralgeschichtliche Untersuchung. Diss. Uni. Münster, 1984; Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в Российской духовной школе (XVIII – начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 25. С. 25–43; Дружинин А. В. Пастырское богословие в России XVIII – начала XIX в.: западные идеи и их рецепция // Материалы VII Международной студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии. СПб., 2015. С. 290–311.

² Антоний (Амфитеатров), архим. Пастырское богословие. К., 1851; Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие. СПб., 1853.

³ О должностях пресвитеров приходских от Слова Божия, Соборных Правил и учителей церковных сочиненная. СПб., 1776.

⁴ То, как эти процессы отражались в дискурсе о богословии, мы прослеживаем здесь: Лютко Е. И. Становление конфессионального бого-

(2) предоставлять пастырю актуальную картину социальных отношений, которые характеризовались динамичными процессами обособления духовного сословия и увеличения корпуса как гражданской, так и церковной бюрократии.

Новые учебники по пастырскому богословию 1850-х гг. по сути вводят в дискурс о священнике многозначное и многоплановое понятие о Церкви как о корпорации, которую он представляет как член клира или возглавляет как настоятель прихода¹. Отношения священника к светской власти становятся предметом отдельного разговора: «пастырь Церкви есть вместе гражданин или член общества гражданского – государства»². Однако «он должен ясно понимать и живо чувствовать, какое величайшее благо и для Церкви и для отечества заключается в добром союзе Церкви с престолом и служителей Ее с предрержащею властью»³. Таким образом, различие между Церковью и государством (как параллельно существующими корпорациями, переплетенными, но все же ощутимо различными) становится так же очевидным, как и принадлежность священника именно к сфере церковного⁴.

словия в России (XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 8. С. 46–64.

¹ «Пастырское богословие есть систематическое изложение правил и наставлений, руководствующих к тому, как успешнейшим образом проходить пастырское служение в Церкви Христовой» (Антоний (Амфитеатров), архим. Пастырское богословие... Т. 1. С. 1). См. еще более лаконичное определение архим. Кирилла (Наумова): «Пастырское богословие есть систематическое изложение нравственных обязанностей пастыря Церкви» (Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие... С. 5).

² Антоний (Амфитеатров), архим. Пастырское богословие... Т. 1. С. 153.

³ Там же. С. 156.

⁴ Эту ситуацию конструирования «церковного», а также помещение высказывания о священнике в специфический богословский дискурс можно, вслед за Г. Фризом, назвать процессом «спиритуализации» духовенства, призванного дополнительно подчеркнуть его концентрацию на «делах духовных» в противопоставлении их «делам мирским» (Freeze G. L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered // The Journal of Ecclesiastical History. 1985. 36 (01). P. 90).

Учебники по пастырскому богословию 1850-х гг. (как, впрочем, и последующих десятилетий, вплоть до конца века) характеризовались «церковно-практическим» реализмом. В отличие от «Книги о должностях», которая начертала образ идеального пресвитера, недостижимый для большинства клириков, новые учебники обращались к студентам и выпускникам семинарий; они были четко структурированы и ставили перед своими читателями вполне обозримые цели¹. Методично перечисляя недостатки и достоинства, этапы становления, нормы и аномалии, сухо подтверждая суждения «глухими» ссылками на Священное писание, учебники по пастырскому богословию 1850–1880-х гг. создавали «нормативное поле», в котором был призван находиться священник. Своего зенита этот «нормативный стиль» пастырского богословия достигает в трудах знаменитого духовно-академического богослова-мирянина В. Ф. Певницкого (1832–1911). В совокупности его работы представляют собой настоящую энциклопедию российской церковной жизни, в которой перечислены «правильные» модели поведения клирика (или человека, готовящегося вступить в клир) буквально «на все случаи жизни»². Кое-где уровень детализации, до которого доходил Певницкий, может показаться гротескным, особенно в глазах современного читателя. Так, описывая отношения псаломщика (выпускника семинарии) со священником, он замечает:

Не к добру ведет, если молодой богослов чаще заходит в дома прихожан, чем того требует должность, и в домах прихожан является гораздо разговорчивее, чем в доме священника. Особенно худо, если

¹ В плане «связи с реальностью» и конкретностью постановки задач «Письма о должностях священного сана» А. С. Стурдзы (другой авторитетный документ о священстве середины XIX в.) наследуют скорее «Книге о должностях». В формировании своего идеального образа священника автор отталкивается от идеалов романтической дворянской культуры и одновременно демонстрирует неосведомленность о жизни простого священника в России (см.: Стурдза А. С. Письма о должностях священного сана: в 2 т. [1841]. М., 1861). См. критику: Иннокентий (Пустынский), архим. Пастырское богословие... С. 181–183.

² Вот основные работы Певницкого по пастырскому богословию: Певницкий В. Ф. Священник: Он же. Приготовление к священству и жизнь священника. Киев, 1885; Он же. Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан. Киев, 1890; Он же. Священство: основные пункты в учении о пастырском служении. Киев, 1892.

эти разговоры вращаются около пересудов о священниках. Участие в сплетнях деревенских вещь недостойна молодого богослова, имеющего в виду высокое звание священника¹.

Очевидно, вдохновленная совершенно конкретными ситуациями, такая риторика делала обязанности священника предельно артикулированными, что в свою очередь имело двоякие последствия: с одной стороны, высокий уровень «сцепления» текста пособия с окружающей реальностью позволял священнику совершенствовать свои профессиональные навыки, а с другой – наличие такого разветвленного нарратива о священнических обязанностях могло создать иллюзию, что сущность священства и заключается в корректном освоении суммы этих обязанностей.

Доминирование Певницкого в пастырском богословии (а в период 1880–1890-х гг. он безусловно самый плодовитый и авторитетный автор) совпадает с периодом чрезвычайного усиления обер-прокурора К. П. Победоносцева (1827–1907) – именно в эти декады объем его полномочий достигает величины немислимой прежде для светского, пусть и столь высокопоставленного, чиновника. Певницкий, не будучи священнослужителем, сконцентрировал в своих руках право преимущественного высказывания о «нормативном облике» священника, при этом последовательно избегал употребления понятия о пастырском богословии (несмотря на то что много лет вел этот предмет в Киевской духовной академии). И неудивительно, что вместе с закатом эпохи Победоносцева (ближе к концу 1890-х гг.) труды Певницкого также постепенно отходят на второй план, уступая новой постановке проблемы относительно образа священнослужителя².

В качестве маркера этого перехода, на наш взгляд, может рассматриваться операционализация концепта «пастырство», которую впервые осуществляет прот. С. А. Соллертинский (1846–1920)³.

¹ Певницкий В. Ф. Священник: Приготовление к священству... С. 91–92.

² Как это отмечает Н. Н. Глубоковский, говоря о «совсем иной научной постановке» этого предмета у авторов, следующих за В. Ф. Певницким (см.: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука... С. 33).

³ Соллертинский С. А., прот. Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная: Иисус Христос, основатель христианского пастырства. СПб., 1887.

Нельзя сказать, что это понятие не использовалось прежде как описание суммы действий, предпринимаемых пастырем по отношению к пастве. Однако у того же Певницкого, старшего современника Соллертинского, имеет место занимательная омонимия: пастырство – это не только действия духовенства по отношению к пастве, но и само духовенство, само сообщество пастырей¹.

Эта омонимия (равно как и факт ее отсутствия в современном языке) весьма показательна – идея, что духовенство, по определению, тождественно своей основной функции, т. е. управлению народом, в течение долгого времени не подвергалась сомнению, и лишь в ходе напряженной общественной дискуссии 1860–70-х гг. была признана ее утопичность. «Кастовая» замкнутость духовного сословия, стремительное «расцерковление» жителей крупных городов, распространение в среде интеллектуалов идей «антинормативного поворота» (Спенсер, Маркс, Ницше) – все эти обстоятельства проблематизировали самоочевидную тождественность пастыря и пастырства, актуализировав разговор о пастырстве не как о «данности», но как «заданности». На графике видно, что в текстах 1880-х гг. происходит практически двукратное увеличение использования понятия пастырство, а выход работы Соллертинского совпал с моментом наиболее резкого роста.

В своем исследовании «Пастырство Христа Спасителя», в основании которого лежал опыт профессорства на кафедре пастырского богословия, Соллертинский впервые, через введение понятия о «всепастырстве» ставит под сомнение очевидную ранее связь между «пастырством» и фигурой священника². Этим он, а затем

¹ См., например: «Мы привели примеры в показание того, что сознанию нашего пастырства не чужды интересы социального быта. Они считают своим долгом заботиться о благоустройении и этой стороны их жизни...» (Певницкий В. Ф. Служение священника... Киев, 1890. С. 186).

² Соллертинский упоминает о «всепастырстве» еще несмело, как о неологизме: «Таким образом, пастырское дело в смысле проповеди Христова имени словом и примером объемлет всех членов Царствия небесного. Такое, если можно так выразиться, всепастырство, есть необходимое и естественное завершение пройденного христианского образования, есть тот подвиг, в котором христианин самым делом являет, что настроение его к долгу конечное и руководящее основание свое имеет в религии, а потому первым и главнейшим выражением

(по данным сервиса Google Books Ngram Viewer, URL: <https://books.google.com/ngrams>)

Экземплярский (1875–1933) своим учением о «всесвященстве», проблематизируют основания той непоколебимой уверенности, с которой такие авторы, как Певницкий говорили о пастырских обязанностях духовенства, отталкиваясь, впрочем, от представления о неотчуждаемости его «пастырских прав». Таким образом, ответ на вопрос, как может быть оправдано институциональное священство, если пастырство не является его исключительной прерогативой, мог быть дан только через альтернативную проблематизацию пастырства; через пересмотр того основания, на котором прежде утверждалась связь институционального священства и пастырства как богословской категории.

И это переосмысление происходит в русской пасторологической традиции начиная с работ ученика С. А. Соллертинского по

усвоенного им благожелания должно быть приобщение других к этому источнику» (Соллертинский С. А., прот. Пастырство Христа Спасителя. С. 279). В скором времени эти идеи получают содержательное развитие в работах В. И. Экземплярского (учение о «всесвященстве») и свящ. Петра Кремлевского, которому подчас и приписывают этот неологизм (см.: Экземплярский В. И. Библийское и святоотеческое учение о сущности священства. К., 1904; Кремлевский Петр, прот. Идеальное всепастырство, раскрытое в девятой заповеди блаженства // Христианское чтение. 1907. № 8. С. 190–209; № 9. С. 335–349; № 10. С. 437–463).

Санкт-Петербургской духовной академии, будущего митр. Антония (Храповицкого, 1863–1936). Первое, на что можно обратить внимание, это значительное «усложнение» задачи священника на риторическом уровне. Уже не просто «служение в Церкви Христовой», но «духовное возрождение людей» становится целью священнического служения, и пастырское богословие призвано «изъяснить» это¹. Для того чтобы подготовиться к этому служению, священник должен освоить работу с большим набором инструментов, которые ему предлагает митр. Антоний: сам термин «пастырство» и семейство образованных от него служебных категорий («пастырский дух», «пастырское настроение», «пастырское влияние», «пастырское самосознание», «пастырские свойства характера», «пастырское дерзновение», «пастырская аскетика», «пастырские искушения», «пастырское одушевление верующих» и др.). Как нетрудно понять, все эти категории суть абстрагированные понятия, призванные выявить сущностные закономерности социального и ментального опыта священнослужителя и «оторваться» тем самым от массы частного и описательного материала, которым изобиливали учебники по пастырскому богословию предыдущего периода.

Эта концентрация внимания, с одной стороны, на «пастырском субъекте», то есть на наиболее общих принципах, касающихся внутреннего мира (отсюда акцент на «пастырской аскетике») и социальной роли священника, а с другой – на моменте высокоиндивидуализированного взаимодействия «души» и «пастыря», не может быть рассмотрена вне «антропологического поворота», который происходит в русском академическом богословии начиная со свт. Феофана Затворника² и в целом в русской культуре в свя-

¹ «Предметом Пастырского Богословия служит изъяснение жизни и деятельности пастыря как служителя совершаемого благодатию Божию духовного возрождения людей и руководителя их к духовному совершенству» (Антоний (Храповицкий), митр. Основные начала православного пастырства [1896] // Он же. Пастырское богословие: Сб. статей и лекций по религиозным вопросам из области науки пастырского богословия. Харбин, 1935. С. 3).

² Хондзинский П., прот. Учение святителя Феофана о благодати и «чистой любви» в контексте идей блж. Августина // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 44. С. 28–29.

зи, например, с творчеством Ф. М. Достоевского, которого, как известно, высоко ценил митр. Антоний (Храповицкий). Тот модус, в котором он говорил о священнике со временем стал общим местом, и последующие пасторологи (митр. Вениамин (Федченков), архиеп. Феодор (Поздеевский) и проч.), даже не поддерживая его утверждения и построения, не соглашались прежде всего с «субъективными аскетическими призывами» (по меткому выражению Н. Н. Глубоковского)¹, но основывались на предложенном им понятийном аппарате и постановке проблемы.

Вывод

Возвращаясь к цели нашей статьи – ответу на вопрос о подлинном, если угодно, «социально-историческом» значении понятия «филаретовское духовенство», мы предполагаем следующее: дистанция, которая разделяет тексты В. Ф. Певницкого и митр. Антония (Храповицкого) понимается нами не как «качественное совершенствование» или «очевидный прогресс» в области пастырского богословия, но лишь как структурное изменение, призванное соотносить пастырское богословие с актуальной философской и социальной повесткой. Привлечение социоисторического контекста позволяет нам опрокинуть выявленное различие в конкретно-историческое измерение. Очевидно, что «филаретовское духовенство», «спокойное и благополучное», – это то, как выглядит пастырь из учебников архим. Антония (Амфитеатрова), архим. Кирилла (Наумова) или В. Ф. Певницкого в рамках той репрезентации, которую в конце XIX в. предложил митр. Антоний (Храповицкий). И речь, конечно, идет не о том, что часть священников эпохи отца Иосифа Фуделя не читала работ митр. Антония, а другая часть читала и восприняла его идеи. Речь идет о восприятии или невосприятии глубинного слома в логике легитимации и целеполагании духовенства, произошедшем в российском обществе на рубеже XIX и XX вв. «Филаретовское духовенство» – это ироничный элемент кризисной риторики, целью которой было свидетельствовать о том, что российскому обществу нужен новый образ право-

¹ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука... С. 33.

славного священника. Его главным инструментом должно быть «пастырство», понятое как многогранный инструментарий «спасения душ».

«Ретеологизация»¹ пастырского богословия, произошедшая в России усилиями прот. С. А. Соллертинского и особенно митр. Антония (Храповицкого), явилась ответом на вызовы времени и преследовала цель подготовки духовенства, нацеленного на проявление «сострадательной любви» в эпоху стремительной меркантилизации общественных отношений, разрыва традиционных связей и индивидуализации. Оставаясь «пастырем для всего православного народа» (образ учебников 1850–1880 гг.), священник в больших городах становился, кроме всего прочего, «душепопечителем для немногих» (митр. Антония), действительно нуждающихся в глубоко индивидуализированном подходе и «сопереживании» своего обращения к Богу. Эта ситуация наложения двух «форматов, различавшихся с точки зрения «актуальности», но не являющихся взаимоисключающими, приводила к возникновению высказываний, в которых конфликт «форматов» функционировал как бы скрыто, без обращения к явно осуждающей или обесценивающей тональности. Таким было и выражение «филаретовское духовенство», используемое в семье Фуделей и, возможно, в близких им кругах московского духовенства.

¹ По меткому выражению И. Дестивеля (см.: Destivelle H. Les sciences théologiques en Russie: réforme et renouveau des académies ecclésiastiques au début du XXe siècle. P., 2010. P. 745).

Дискуссия

В церковной жизни общим местом являются дискуссии о нормативном облике духовенства. Рассмотренный нами случай позволяет усомниться в том, что на современном этапе построение этого нормативного образа возможно. Безусловно, образ священника из работ митр. Антония понятнее и ближе современному читателю – именно его работы оказали существенное влияние на архим. Киприана (Керна), чье «Пастырское богословие»¹ до сих пор является одним из наиболее популярных учебников в современных духовных школах. Однако, среди тех, кого пренебрежительно называли «филаретовским духовенством», наверняка встречались священники, вполне последовательно воплощавшие в жизнь нормативный облик, предложенный на более раннем этапе развития пасторологической традиции. И более того, учитывая неоднородность модернизационного развития различных пространств внутри империи и даже внутри одного города («многослойность» населения, особенно на раннем этапе индустриального развития, была непременным атрибутом крупного города²), мы можем допустить, что разные форматы «пастырской нормативности» могут бытовать параллельно. Учитывая этот факт, можно задаться вопросом, что является предметом пастырского богословия на современном этапе. Тесная связь между знанием и его социальным контекстом, выявленная и артикулированная в рамках социальных исследований последнего века, ставит под сомнение саму возможность сформулировать универсальный образ «идеального» священнослужителя, релевантного для всего общества во всем его многообразии. В этом смысле задача пастырского богословия как элемента научного богословия видится, в том числе, в выявлении и классификации уже сформулированных и функционирующих в обществе нормативных моделей и, что не менее важно, выявлении условий их возникновения.

¹ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Париж, 1957.

² «Вплоть до начала XX века в городах проживало свыше 50 % лиц, не принадлежавших к городскому сословию» (Миронов Б. Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. №. 3. С. 266).

Список литературы

1. Дружинин А. В. Пастырское богословие в России XVIII – начала XIX в.: западные идеи и их рецепция // Материалы VII Международной студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии. СПб., 2015. С. 290–311.
2. Иннокентий (Пустынский), архим. Пастырское богословие в России за XIX в. СПб., 1899.
3. Лютыко Е. И. Становление конфессионального богословия в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 78. С. 46–64.
4. Миронов Б. Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. №. 3. С. 259–276.
5. Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в Российской духовной школе (XVIII – начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 25. С. 25–43.
6. Сухова Н. Ю., Хондзинский П., прот. Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии // Богословский вестник. 2010. Т. 11. С. 291–341.
7. Хондзинский П., прот. Приходское духовенство конца XIX – начала XX века в русской духовной традиции: Доклад на ежегодной научно-богословской конференции в Санкт-Петербургской Духовной академии 30 сентября 2015 года. URL: [#cite_note-15](http://www.pstbi.ru/news/show/132-doklad_prot_Pavel_Khondsinskiy) (дата обращения: 10.05.2019).
8. Хондзинский П., прот. Учение святителя Феофана о благодати и «чистой любви» в контексте идей блж. Августина // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 44. С. 28–29.
9. Destivelle H. Les sciences théologiques en Russie: réforme et renouveau des académies ecclésiastiques au début du XXe siècle. P.: Cerf, 2010.
10. Freeze G. L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered // The Journal of Ecclesiastical History. 1985. 36 (01). P. 82–102.
11. Olszewski M. Pastoraltheologische Konzeptionen in der orthodoxen Kirche Russlands des 19. Jahrhunderts und ihre Zuordnung zur Asketik: eine pastorgeschichtliche Untersuchung. Diss. Uni. Münster, 1984.

References

Druzhinin A. V. (2015) “Pastyrskoe bogoslovie v Rossii XVIII – nachala XIX v.: zapadnye idei i ikh retseptsii” [Pastoral theology in Russia of the 18th – early 19th centuries: Western ideas and their reception] in *Materialy VII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii Sankt-Peterburgskoi pravoslavnoi dukhovnoi akademii* [Proceedings of the VII International student theological conference of the St. Petersburg Orthodox theological Academy]. St Petersburg, pp. 290–311 (in Russian).

Destivelle H. (2010) *Les sciences théologiques en Russie: réforme et renouveau des académies ecclésiastiques au début du XXe siècle*. Paris: Cerf.

Freeze G. L. (1985) “Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia reconsidered”. *The Journal of Ecclesiastical History*, vol. 36 (01), pp. 82–102.

Lytko E. I. (2017) “Stanovlenie konfessional'nogo bogosloviia v Rossii (XVIII – pervaiia polovina XIX)” [The Emergence of Confessional Theology in Russia (18th — first half of the 19th Centuries)]. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, vol. 78, pp. 46–64 (in Russian).

Mironov B. N. (2012) “Gorod iz derevni: chetyresta let rossiiskoi urbanizatsii” [A city from a village: four hundred years of Russian urbanization]. *Otechestvennye zapiski*, no. 3, pp. 259–276 (in Russian).

Olshewski M. (1984) *Pastoraltheologische Konzeptionen in der orthodoxen Kirche Russlands des 19. Jahrhunderts und ihre Zuordnung zur Asketik: eine pastoralgeschichtliche Untersuchung*. (Diss. Uni.) Münster.

Sukhova N. Iu. (2009) “Pastyrskoe bogoslovie v Rossiiskoi dukhovnoi shkole (XVIII – nachalo XX v.)” [(Pastoral Theology in the Russian Theological high schools (18th – early 20th)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii I: Bogoslovie. Filosofiiia. Religiovedenie*, vol. 25, pp. 25–43 (in Russian).

Sukhova N. Iu., Khondzinskii P., prot. (2010) “Pastyrskoe bogoslovie v sisteme dorevoliutsionnogo dukhovnogoobrazovaniia na primere Moskovskoi dukhovnoi akademii” [Pastoral theology in the system of pre-revolutionary spiritual education on the example of the Moscow Theological Academy]. *Bogoslovskii vestnik*, vol. 11, pp. 291–341 (in Russian).

Khondzinskii P., prot. (2015) *Prikhodskoe dukhovenstvo kontsa XIX – nachala XX veka v russkoi dukhovnoi traditsii: Doklad na ezhegodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii v Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii 30 sentyabria 2015 goda* [Parish clergy of the late 19th – early 20th centuries in Russian ecclesiastical tradition: Report at the annual scientific and theological conference at the St. Petersburg Theological Academy on September 30, 2015.]. URL: http://www.pstbi.ru/news/show/132-doklad_prot_Pavel_Khondsinskiy#cite_note-15 (access on 10.05.2019) (in Russian).

Khondzinskii P., prot. (2012) “Uchenie sviatitelia Feofana o blagodati i «chistoi liubvi» v kontekste idei blzh. Avgustina” [The teaching of St. Theophan about grace and “pure love” in the context Augustine’s ideas]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*. 2012, vol. 44, pp. 28–29 (in Russian).

Выходные данные статьи

Лютко Е. И., диак. Понятие «филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв. // ФА. 2019. Вып. 15. С. 43–60.

Lyutko E. (2019) “Poniatie «Filaretovskoe dukhovenstvo» v kontekste razvitiia pastyrskogo bogosloviia v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.” [The notion of the “Philaret clergy” in the context of the pastoral theology in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Filaretovskii al'manakh*, vol. 15, pp. 43–60 (in Russian).